

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Н. Н. Дьяков

РОССИЯ И МАРОККО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ЧЕРТЫ ЭВОЛЮЦИИ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ В XX ВЕКЕ

Уходящий 2013 год в числе прочих знаменательных дат был отмечен 115-летием установления официальных дипломатических отношений между Россией и Марокко.

Конечно, двусторонние связи между нашими народами не ограничиваются этим не очень продолжительным по меркам истории периодом на стыке Нового и Новейшего времени. Истоки отношений России со странами Магриба уходят в далекое прошлое, хотя, как известно, арабский Запад никогда не мог сравниться для нас по своему значению со Святой Землей, паломничество в которую в течение тысячи лет играло несравненно большую роль в жизни российских христиан и мусульман.

Начало прямых контактов России со странами Магриба относится к Новому времени — к эпохе новой «восточной политики» и связанных с ней колониальных споров и войн. Не имея притязаний на столь удаленную от ее границ область мусульманского мира, Россия как великая держава с XVIII в. стремилась к обеспечению стабильности в данном регионе, устанавливая первые политические контакты с его властителями¹.

После наметившегося еще в XVIII в. по инициативе императрицы Екатерины II и султана Мухаммада III б. Абдаллаха сближения между Россией и Марокко решение вопроса об установлении дипломатических отношений долго откладывалось и встало в реальную плоскость лишь к середине XIX в. К сожалению, и тогда возникла пресловутая проблема финансирования: Россия не располагала достаточными средствами для учреждения своего представительства в Марокко.

Ситуация изменилась, наконец, после победы России в войне с Турцией (1877–1878), захвата англичанами Египта (1882), а Францией — Туниса (1881–1883). Заметно изменился расклад сил в Средиземноморье, возросла и активность России у бе-

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nick-d@mail.ru

¹ В июле 1778 г. султан Мухаммад б. Абдаллах (1757–1790) обратился к Екатерине Великой с предложением развивать торговлю и заключить мирный договор, заверяя императрицу, что ее подданным «оказаны будут наивеличайшие знаки дружбы, предпочитая их всем прочим народам», находящимся в мире с Марокко. В ответ на это послание султана Екатерина предоставила такие же права марокканским судам в портах России.

© Н. Н. Дьяков, 2013

регов Северной Африки. На рубеже 1880-х годов резко обострился так называемый марокканский вопрос. Вслед за Францией и Испанией, добившимися от Марокко капитуляций еще в 1767 г., к освоению этой пока еще суверенной страны устремились и другие державы.

Для урегулирования противоречий по «марокканскому вопросу» в 1880 г. была созвана Мадридская конференция с участием Франции, Испании, Англии, Германии и других заинтересованных стран. В ответ на приглашение испанского премьера российский посланник в Мадриде М. А. Горчаков заявил, что Россия не имеет особых интересов в Марокко. Конференция, завершившаяся 3 июля 1880 г., приняла конвенцию о режиме капитуляций в Марокко, подписанную 14 государствами и провозгласившую равенство прав иностранных держав. Мадридская конвенция способствовала развитию официальных контактов России с Марокко, султан которого Мулай Хасан (1873–1894) высказывал пожелание, чтобы российский представитель был направлен в Танжер.

На пороге XX в. Россия поддержала принцип сохранения самостоятельности и целостности Марокко, чем заслужила признательность как шерифского правительства-*махзена*, так и широкой общественности. Позиция России стала в значительной мере стабилизирующим фактором Средиземноморской политики того времени [1, с. 4–5].

В марте 1894 г. М. А. Горчаков писал министру иностранных дел: «Марокко призвано представлять собою часть восточного вопроса», и для усиления роли, «которая принадлежит нам в Средиземном море», абсолютно необходимо «наше эффективное представительство в Марокко», где даже Бельгия имеет своего представителя, а Германия «произвела своего чрезвычайного и полномочного посланника в ранг министра...»²

На фоне обострения «марокканского вопроса» 20 октября 1897 г. Государственный Совет Российской империи принял решение учредить российское консульство в Танжере. Данное решение получило высочайшее утверждение Николая II, и в декабре 1897 г. первым генеральным консулом в Марокко был назначен Василий Романович Бахерахт (1851–1916), получивший подробные инструкции о приоритетах российской политики, в частности об отсутствии у России каких-либо захватнических планов в Марокко. Прибывший «к месту служения» в мае 1898 г. статский советник В. Р. Бахерахт был принят, по его словам, с «обычными здесь для приема иностранных представителей почестями ...»³

Начало XX в. принесло суровые испытания как для России, так и для Марокко. В первые годы нового столетия «марокканский вопрос», вызванный новым всплеском противоборства держав на пороге Дальнего Магриба, оказался в фокусе мировой политики. Санкт-Петербург не намеревался ввязываться в разгоравшийся спор Англии, Франции, а затем Германии, Италии за влияние в этом регионе.

В июле 1901 г. в Петербург прибыло чрезвычайное посольство марокканского султана во главе с министром иностранных дел Сид Абд аль-Каримом Бен Слима-

² Письмо российского посланника в Мадриде М. А. Горчакова министру иностранных дел Н. К. Гирсу с сообщением о целесообразности учреждения дипломатического представительства в Марокко. Мадрид 12/24 марта 1894 г. [цит. по: 1, с. 170].

³ Из донесения В. Р. Бахерахта министру иностранных дел М. Н. Муравьеву. Танжер 4/16 мая 1898 г. [цит. по: 1, с. 195–196].

ном. Во время аудиенции, устроенной Николаем II в Большом Петергофском дворце, Бен Слиман вручил послание султана Мулай Абд аль-Азиза русскому императору — «блистательному величеству царственной империи, жемчужине в короне его славных предков; величеству нашего друга Николая II, благодарение Аллаху, императору всех россиян...» [1, с. 256].

В ответном письме султану Николай II писал: «Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества еще теснее закрепить дружественные отношения, столь счастливо установившиеся между Нашими империями, особенно со времени учреждения дипломатического представительства Нашего в Марокко...» [2, с. 140].

Осенью 1904 г. в порт Танжера вошли российские корабли 2-й Тихоокеанской эскадры, направлявшиеся на войну с Японией. Их командиры нанесли визит наместнику султана, который отметил, что Марокко связано с Россией узами дружбы, и для русских судов «нет препятствий к стоянке и снабжению необходимым в портах султаната...» [1, с. 11]. Последствия войны на Дальнем Востоке ослабили влияние России в Средиземноморье. В итоге европейские державы пошли на окончательный раздел Северной Африки.

В январе 1906 г. на юге Испании, в Альхесирасе, собрались представители 10 держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Бельгия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, Франция, Швеция), а также России, Соединенных Штатов и Марокко. Генеральный акт Альхесирасской конференции признал особые интересы Испании и Франции в Марокко, что фактически означало крах германской стратегии⁴.

Конференция в Альхесирасе показала, что к 1906 г. ситуация в Марокко заметно изменилась в связи с введением нового международного режима эксплуатации его ресурсов. Сохраняя де-юре суверенитет, Марокко де-факто превратилось в протекторат под прямым контролем двух европейских держав — Франции и Испании⁵.

Россия в этих условиях приняла решение о преобразовании своего генерального консульства в полномочную дипломатическую миссию. Как отмечал в мае 1906 г. в послании в МИД А. П. Извольскому поверенный в делах России в Танжере Е. В. Саблин, «вся деятельность наша в Марокко, где мы не имеем прямых интересов, была проникнута духом примирения, вполне отвечающим нашим миролюбивым целям»⁶.

⁴ Задачей российской дипломатии в этом кризисе было не дать какой-либо из держав укрепиться в Марокко за счет других. В своем качестве министра-резидента В. Р. Бахерахт был в 1906 г. представителем России на Альхесирасской конференции, призванной разрешить международные противоречия по поводу влияния в Марокко. За успешное исполнение своих обязанностей на конференции В. Р. Бахерахт был удостоен Высочайшей благодарности [3].

⁵ Примечательно, что на смену В. Р. Бахерахту, покинувшему в 1906 г. Марокко и продолжившему дипломатическую службу в Швейцарии в качестве Императорского Российского Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Берне, был направлен в должности представителя в Марокко Петр Сергеевич Боткин, сын известного врача Сергея Петровича и родной брат Евгения Сергеевича, погибшего в 1918 г. Ипатьевском доме вместе с Царской семьей. Два дипломата — Бахерахт и Боткин, не раз пересекавшиеся по службе в Европе и Африке, обрели место упокоения на одном швейцарском кладбище Сен-Мартен (Веве) [3].

⁶ Между тем, за восемь лет существования российского генерального консульства в Танжере многое «в мароккском вопросе изменилось»... На политическом горизонте наряду с португальцами и испанцами появились такие крупные соперники, как Англия, Франция, а в последнее время и Германия... В Танжере располагались дипломатические миссии десяти держав, причем «все представители — чрезвычайные посланники и полномочные министры». Лишь Россия имела генеральное консульство с министром-резидентом во главе. «Положение сие не соответствует ни интересам

В 1912 г. Франция и Испания установили в Марокко режим протектората, определив международный статус Танжера; Италия в результате прямой агрессии захватила бывшие османские провинции в Ливии, установив там в 1912 г. колониальное правление.

В декабре 1912 г., с учетом новой международной обстановки, Россия пошла на передачу своих консульских полномочий в Марокко, «соответственно по зонам, во французские и испанские консульские учреждения». В феврале 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов уведомил Париж об упразднении, «ввиду объявления Марокко под французским протекторатом, российской миссии... с учреждением взамен российского генерального консульства» [1, с. 473].

Первая мировая война внесла свои жесткие коррективы в международные отношения первых десятилетий XX в. Как ни парадоксально, и в этот тяжелый период можно было проследить нити, соединявшие Россию с Магрибом. Во многих городах Алжира, Туниса и Марокко, в 1912 г. почти на полвека перешедшего под протекторат Франции и Испании, проживали выходцы из России, которых война застала на этой земле и по тем или иным причинам не дала вернуться домой. Русские в Магрибе по крохам собирали просачивавшиеся к ним, в основном из французской прессы, сведения о родине⁷.

Революционные события 1917 г. в России, как известно, оказали огромное влияние на общественно-политическую ситуацию в мире. Рассуждая о роли ислама в международной жизни после первой мировой войны, А. Тойнби отмечал, что в результате происшедших перемен Россия по существу оказалась в антизападном лагере [4, с. 31]. Многие патриотические лидеры стран Азии и Африки видели в новом режиме в России потенциального союзника в их борьбе за независимость. Идеи социального и национального освобождения, которые были сформулированы в первых же документах Советской власти, обращенных к мусульманам Востока, встретили поддержку антиколониальных сил Магриба. Известия о событиях в России распространялись по разным каналам, в том числе благодаря присутствию североафриканцев на фронтах мировой войны, действиям французских войск в России, Венгрии и Германии.

Ярким примером общей позиции Советской России и патриотов Магриба стала война в Рифе (1920–1926), в зоне испанского протектората на севере Марокко, вызвавшая широкое движение солидарности в мире. Анализу хода этой «войны на истребление» посвящена одна из теоретических работ видного полководца гражданской войны М. В. Фрунзе, отметившего, что в результате военных успехов под руководством вождя рифов Абд аль-Карима «образовалось централизованное мусуль-

России, ни ее дипломатическому престижу в общеевропейском концерте, ни той роли, каковую она... волею своего миролюбивого монарха призвана играть в Европе вообще и при нынешних политических обстоятельствах в Марокко в частности...» (из послания российского поверенного в Танжере Е. В. Саблина министру иностранных дел А. П. Извольскому по поводу преобразования генконсульства в Марокко в дипломатическую миссию. Танжер, 2/15 мая 1906 г.) [цит по.: 1, с. 347–350].

⁷ В годы первой мировой войны и в межвоенный период в Марокко обосновались сотни русских эмигрантов, в том числе представители известных семей (Толстые, Шереметьевы и пр.) Во время работы в Марокко в 1980-х годах автору этих строк довелось увидеть немало русских могил на христианских кладбищах Рабата и Касабланки. В своих воспоминаниях почтенного возраста жители Танжера рассказывали о местной русской колонии, многие представители которой в свое время не без энтузиазма встретили известия о Февральской революции 1917 г. и падении монархии в России.

манское государство, располагающее более чем 20 тыс. кв. км территории с полу-миллионом жителей». Это государство получило огромные военные и технические ресурсы и «возможность противопоставить завоевателям порядочную вооруженную силу», которую сам Абд аль-Карим определяет в 50 тыс. воинов [5, с. 214].

Примечательно, что одновременно с актами солидарности с борьбой рифов в СССР, комитеты поддержки их, правда, по иным причинам, возникли на Западе⁸.

Имелись и другие точки соприкосновения российской и марокканской истории в годы Рифской войны. Решающая роль в подавлении рифских повстанцев принадлежала французскому генеральному резиденту в Марокко маршалу Ю. Лиотэ (1912–1925). Столкнувшись с необходимостью «умиротворения туземных племен» еще в период французского вторжения в Марокко с территории Алжира, Лиотэ, назначенный в 1908 г. верховным комиссаром по «улучшению алжиро-марокканской границы», высоко отзывался об успехах русского правительства в Туркестане. «Метод, применяемый русскими — вот, к чему я призываю, — писал он. — Это будет и не дорого, и не трудно...» [7, с. 273].

В новых исторических условиях опыт России был взят на вооружение и «туземцами» Магриба. Сформированные повстанцами органы власти Республики Риф имели следы влияния конституции РСФСР. Один из помощников Абд аль-Карима открыто заявлял: «Россия освободилась от угнетателей, и мы идем по ее пути... пока не добьемся полного освобождения...» [6, с. 449].

Послеоктябрьский период дал рождение новой, советской литературе о Магрибе. Как и работы о других колониальных странах Азии и Африки, эта литература отмечена идеологией «триумфального шествия» власти рабочих и крестьян. В условиях жесткого контроля и цензуры, регламентированных органами партии и государства, выходили в свет работы М. П. Павловича, П. Китайгородского, Б. Пурецкого, П. П. Ионова⁹, посвященные борьбе народов Алжира, Марокко, Туниса против колониализма. В рамках антиимпериалистической пропаганды Коминтерна были переведены на русский язык и опубликованы также работы ряда зарубежных авторов о странах Магриба¹⁰.

Накануне и в годы второй мировой войны отношение советской политической верхушки к Марокко в целом определялось его сохранявшимся зависимым положением в условиях колониального режима. Гражданская война в Испании (1936–1939) продемонстрировала новую роль марокканцев в военно-политических событиях на Пиренейском полуострове. С середины 1930-х годов испанская зона Марокко по сути превратилась в «прибежище немецко-фашистской агентуры». С началом войны в Испании Берлин и Рим взяли под свой контроль север Марокко, направив туда свои миссии, фактически ставшие прообразом итало-германских комиссий, действовавших на территории арабских стран, перешедших с капитуляцией Франции под власть вишистской администрации.

⁸ В 1925 г. «Рифский комитет» был организован офицером королевских вооруженных сил Каннингом при поддержке английского правительства, не упускавшего случая ослабить позиции Франции в Марокко. Многие исследователи полагают даже, что именно последующий отказ Лондона от военных поставок Абд аль-Кариму и стал одной из причин его конечного поражения [6, с. 450].

⁹ См., напр.: [8–11]. «Заидеологизированность» ранней советской магрибистики, как и других областей востоковедения, в известной мере сохранилась и в последующие десятилетия.

¹⁰ См.: [12–15] и др.

Суля марокканцам скорую автономию и политические свободы, Франко смог привлечь на борьбу с республиканцами до 100 тыс. марокканских воинов, в основном из горских племен Рифа и Джбалы, что во многом определило исход первого этапа войны. В дальнейшем марокканские отряды сыграли важную роль в поражении республиканской Испании, «действуя, как правило, на направлениях главных ударов» [16, с. 103–105].

Марокко вписало заметную страницу и в историю второй мировой войны как важный участок североафриканского театра действий англо-американских союзников. Касабланка, главные морские ворота Магриба, в январе 1943 г. стала главной площадкой для переговоров лидеров антигитлеровской коалиции по итогам первого этапа войны и по планам военно-политических мероприятий на ее завершающей стадии.

В связи с напряженной ситуацией на Восточном фронте на конференцию в Касабланку не смог прибыть глава СССР И. В. Сталин, тем не менее, участие в ней приняли президент США Ф. Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и руководитель «Сражающейся Франции» генерал Ш. де Голль. К переговорам и консультациям о взаимодействии в регионе в конце и после окончания войны был привлечен и султан Мухаммед б. Юсуф — 34-й потомок Пророка, 20-й представитель правящей династии Алауитских шерифов Марокко.

Именно здесь, на конференции в Касабланке, лидеры антигитлеровской коалиции определили рамки «безоговорочной капитуляции», акт о которой был подписан в мае 1945 г. в предместье Берлина уже с участием представителей СССР — державы-победительницы, полноправного члена антигитлеровской коалиции, внесшего, к тому же, решающий вклад в разгром фашизма.

В послевоенные годы СССР сыграл немалую роль в защите национальных интересов арабских стран, в том числе народов Магриба, прежде всего в решении главного для них вопроса о деколонизации и ликвидации колониальных режимов.

Развернувшаяся после войны острая полемика в ООН о судьбе французских и британских владений на Ближнем Востоке и на севере Африки привела к свертыванию колониальной администрации и выводу оккупационных сил из Сирии, Ливана, Иордании. 1950-е годы отмечены в новейшей истории Северной Африки завоеванием независимости Ливии, Судана, Марокко, Туниса.

В числе первых Советский Союз признал в 1956 г. независимость Марокко и его суверенитет над зоной Танжера, в 1958 г. установив дипломатические отношения¹¹. В июне 1956 г. были установлены дипломатические отношения между Москвой и Тунисом. СССР продолжал оказывать поддержку сражавшемуся Алжиру и в 1958 г. вместе с другими социалистическими и независимыми афро-азиатскими странами признал Временное правительство Алжирской республики (ВПАР), вынужденное пока работать за границей. Весной 1962 г., с окончанием освободительной войны в Алжире — старейшей колонии Франции, ставшей в 1830 г. фундаментом ее трансконтинентальной империи, завершилась и колониальная история Магриба¹².

¹¹ В 1961 г. состоялся визит в Марокко Л. И. Брежнева, которого незадолго до своей кончины лично принял Мухаммед V. В октябре 1966 г. Москву посетил Хасан II, имевший встречи с Л. И. Брежневым и с председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, которого марокканский монарх назвал одним из наиболее ярких людей, с кем ему когда-либо приходилось встречаться [16, с. 241].

¹² На фоне общего подъема антиколониальных выступлений на севере Африки в 1950-е годы, выхода североафриканской проблематики на авансцену мировой политики и науки, отечественная магрибистика была отмечена новыми яркими достижениями не только в разработке тематики, свя-

В целом, последующие десятилетия независимого развития, вплоть до начала 1990-х гг., были наполнены плодотворными контактами стран Магриба с СССР в области экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Достаточно вспомнить участие советских специалистов в разработке нефтегазовых и фосфатных месторождений, в сооружении гидроэнергетических объектов в Алжире, Тунисе и Марокко, в строительстве и реконструкции металлургических и машиностроительных предприятий, объектов коммунального хозяйства и т. д.

Важной сферой сотрудничества стала подготовка в СССР профессиональных кадров для стран Магриба. В 1960–1980-е годы тысячи их граждан получили высшее и среднее специальное образование в советских вузах и техникумах. И сегодня наших выпускников можно встретить в правительственных кабинетах и на университетской кафедре, в больничных палатах и лабораториях во всех концах Северной Африки.

Итогом такого сотрудничества стало распространение русского языка. Об интересе к языку и культуре России говорит тот факт, что на многих гуманитарных факультетах в странах Магриба — от Касабланки и Рабата до Туниса — по-прежнему работают отделения русского языка и литературы, что автор может лично подтвердить, благодаря своим поездкам и встречам в университетах Марокко, Алжира и Туниса.

Во второй половине XX в. Советский Союз активно развивал политические и торгово-экономические связи на севере Африки. Москва укрепляла свои позиции в Средиземноморье — на стратегическом пространстве (от Суэцкого канала до Гибралтара). В целом отношения СССР со странами Магриба носили дружественный характер. Правда, с завершением «холодной войны» и распадом СССР российско-арабские отношения в экономической сфере пошли на спад, однако политические связи сохранялись. Так, Россия и Марокко продолжали занимать в целом близкую позицию по вопросам ближневосточного урегулирования, укрепления безопасности и сотрудничества в регионе.

На рубеже 1950–1960-х годов в Марокко, как и в ряде других недавно освободившихся арабских стран, были приняты пятилетние планы социально-экономического развития, укреплялся государственный сектор. Несмотря на не всегда ровные политические отношения с СССР и социалистическим лагерем, планирование экономического развития было признано Хасаном II, особенно на начальном этапе его правления (1961–1999), эффективным инструментом подъема национальной экономики. В стране развернулась «марокканизация» иностранных банков и других предприятий.

В постсоветский период партнерство Марокко и РФ не только сохраняло традиционные формы, но и обрели новые черты. Во многом оно было связано с эксплуатацией уже имевшихся промышленных и энергетических объектов (гидроэнергокомплекс «Уахда», ТЭС «Джарада», гидроузел «Мансур ад-Дахби», ГЭС «Мулай Юсеф»). В 1998 г. объекты гидроэнергетического комплекса (ГЭК), построенного с помощью России, обеспечивали до 30% выработки электроэнергии в Марокко.

Благодаря поставкам нефти из РФ, Марокко вышло в число главных партнеров РФ на севере Африки. Правда, проведенная в 1990-х годах нефтеразведка показала

занной борьбой народов Алжира, Марокко и Туниса за независимость. Широкий отклик получили вышедшие уже во 2-й половине XX в. труды Н. А. Иванова, Н. С. Луцкой, В. В. Матвеева, А. Б. Куделина, Р. Г. Ланды, М. Ф. Видясовой, В. В. Орлова, С. В. Прожогиной и др., посвященные разным аспектам истории и культуры арабского Запада.

возможность значительных нефте- и газовых ресурсов на шельфе и на пороге Сахара и, соответственно, ограничения импорта сырья из РФ.

На пороге XXI столетия стремительно возрастал товарооборот между нашими странами: в 2001 г. — 380 млн долл.; в 2003 г. — 700 млн долл.; в 2005 г. — 1,2 млрд долл., в 2006 г. — до 1,5 млрд долл.¹³

15 октября 2002 г. состоялся исторический визит короля Мухаммеда VI в Москву, где он подписал с президентом РФ В. В. Путиным Декларацию о стратегическом партнерстве, а также: 1) соглашение о сотрудничестве двух торгово-промышленных палат; 2) о сотрудничестве в авиакосмической сфере; 3) о рыболовстве и т. п. В ноябре 2005 г. Марокко посетил м.и.д. РФ С. Б. Лавров. Состоявшиеся переговоры, в том числе с Мухаммедом VI, подтвердили, что Марокко остается одним из главных партнеров РФ не только в арабском Магрибе, но и в Африке.

По итогам переговоров с главой марокканского министерства иностранных дел г-ном Фаси Фихри, состоявшихся в июне 2010 г., С. Б. Лавров заявил, что Россия и Марокко выступают за скорейшее и справедливое урегулирование ближневосточной проблемы, снятие блокады с сектора Газа.

Российско-марокканские отношения на современном этапе были обсуждены на состоявшейся в Касабланке в конце мая 2011 г. 10-й юбилейной сессии Российско-Арабского Делового Совета. По мнению участников этой встречи, начало XXI столетия было отмечено поступательным развитием двусторонних экономических связей. Марокко заняло ведущее место в торговле РФ со странами Африки. При этом Россия вошла в тройку стран, обеспечивающих энергетическую безопасность Марокко. Поставки нефти и угля из РФ Марокко в 2005–2009 гг. составили соответственно 8 и 3,3 млн т.¹⁴

Перспективы российско-марокканского торгово-экономического сотрудничества во многом зависят от связей отдельных субъектов РФ с Королевством Марокко. Наибольшую активность в продвижении своей продукции в Марокко в последние годы проявили российские партнеры из Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Сибирского и Южного федеральных округов РФ.

15–16 июня 2010 г. в Москве состоялось 4-е заседание Межправительственной российско-марокканской комиссии (МПК) по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Марокканскую часть МПК возглавлял министр иностранных дел и сотрудничества Королевства Марокко Т. Фаси Фихри, российскую — министр юстиции Российской Федерации А. В. Коновалов. Стороны обсудили основные вопросы российско-марокканского экономического сотрудничества, в том числе в таких приоритетных областях, как торговля, промышленность, энергетика, финансы, сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, а также сотрудничество в области космоса, транспорта, образования, здравоохранения. Большое значение приобретает сегодня взаимодействие двух стран в сфере туризма, научных и культурных связей [19].

Итоги двустороннего сотрудничества между РФ и КМ в начале XXI столетия были вновь проанализированы в ходе российско-марокканского семинара «Марок-

¹³ РФ к тому же вышла на 2-е место после ЕС по импорту сельскохозяйственной продукции из Марокко — до 25% общего объема марокканского экспорта [17, с. 63].

¹⁴ По данным национальной статистики внешнеторговый оборот России с Марокко только в первом квартале 2010 г. составил 299,5 млн долл., (1-й квартал 2009 г. — 297,3 млн долл.), в том числе российский экспорт — 252,8 млн долл., импорт — 46,7 млн долл. [18].

ко и Россия: стратегическое партнерство», посвященного 10-летию визита в Москву Его Величества Мухаммеда VI и проходившего в октябре 2012 го в стенах Рабатского университета им. Мухаммеда V. Участие российских представителей, в том числе автора этих строк и представлявшего также петербургское востоковедение доцента кафедры истории стран Ближнего Востока И. В. Герасимова, позволило, в частности, обсудить общие итоги и перспективы сотрудничества между нашими странами в области образования и культуры.

Несмотря на географическую отдаленность, а подчас и на отсутствие близости подходов по ряду политических проблем, Россия и Королевство Марокко с первых дипломатических контактов в конце XIX в. и вплоть до начала XXI в. сумели сохранить в целом дружественные связи по широкому спектру сотрудничества.

115-летняя летопись официальных российско-марокканских отношений показала, что и накануне первой мировой войны, в условиях разгоравшегося вокруг Марокко международного кризиса, разрешившегося с установлением иностранного протектората (Франции и Испании), и в годы гражданской войны в России и освободительной войны в марокканском Рифе, в течение и после окончания второй мировой войны, узы взаимодействия между нашими странами практически не прерывались, обретая новые источники и черты развития на каждом новом историческом этапе.

Литература

1. Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах / авт.-сост. Н. П. Подгорнова. М.: Наука, 1999. 624 с.
2. Мусатова Т. Л. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М.: Наука, 1990. 208 с.
3. Грезин И. Василий Бахрахт: Последний Императорский Посланник // Наша газета. 09.02.2011. URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/11275>
4. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М.: Наука, 1971. 330 с.
5. Фрунзе М. В. Европейские цивилизаторы и Марокко // Фрунзе М. В. Избранные сочинения. М., 1940. 214 с.
6. Liautey (Marechal). Choix des lettres (1882–1919). P., 1947. 373 p.
7. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М.: Наука, 1973. 478 с.
8. Павлович М. П. Борьба за Азию и Африку. М.: Государственное издательство, 1924. 254 с.
9. Павлович М. П. Французский империализм. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 260 с.
10. Китайгородский П., Пурецкий Б. Алжир, Тунис, Марокко в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 102 с.
11. Пурецкий Б. Марокко. М., 1925.
12. Бласко Ибаньес В. Разоблаченный Альфонс XIII. М.; Л., 1925. 94 с.
13. Дюваль Г. Французский империализм в колониях. М.: Московский рабочий, 1929. 128 с.
14. Морель Э. Десять лет секретной дипломатии. М.: Госиздат, 1924. 204 с.
15. Семар П. Война в Марокко. Л.: Госиздат, 1925. 80 с.
16. Сергеев М. С. История Марокко — XX век. М.: ИВ РАН, 2001. 360 с.
17. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад, 2007. 448 с.
18. Российско-марокканские отношения на современном этапе. Десятая юбилейная сессия Российско-Арабского Делового Совета в Касабланке. 24–26 мая 2011 г. URL: <http://10session.russarabbc.ru/ru/rusmorocco/>
19. Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. С. 176–203.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.